

ГРАНИЦА МЕЖДУ НАТО И РОССИЕЙ – САМОЕ БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО В МИРЕ, СЧИТАЕТ АНДЕРС ФОГ РАСМУССЕН

С тал ли наш мир более безопасным и предсказуемым спустя четверть века после разрушения Берлинской стены? Мир – вряд ли, но та его часть, которую называют евроатлантическим пространством, скорее да. В подтверждение этого руководители НАТО, с которыми мне доводилось встречаться в Брюсселе, настоя-

ключ к этой стабильности – далеко не безоблачные отношения между Россией и НАТО. В минувшем году исполнилось 15 лет со дня подписания в Париже основополагающего акта Россия – НАТО, в котором стороны поклялись, что они не собираются

чииво приводят в пример бывшую границу между западным и восточным блоками и нынешнюю границу России с западными соседями. В том числе и прежде всего – Балтику. Каким бы острым ни было разногласие по поводу расширения НАТО на восток, сегодня это одно из самых безопасных мест на Земле.

нападать друг на друга, и создали первую постоянную структуру взаимодействия.

Но потом были бомбежки Югославии и знаковый разворот премьера России Евгения Примакова над Атлантикой. Также в прошлом году исполнилось

10 лет саммиту на итальянской авиабазе Пратика-ди-Маре, где президент РФ Владимир Путин и натовские партнеры попытались возобновить сотрудничество и создали Совет Россия – НАТО. Но потом было расширение НАТО на страны Балтии, натовские заявки Украины и Грузии, война в Южной Осетии.

В ноябре 2010 года на саммите в Лиссабоне президент РФ Дмитрий Медведев и лидеры стран НАТО договорились о стратегическом партнерстве, выбрав для начала пилотный проект европейской противоракетной обороны. Но именно он стал не соединительным звеном, а яблоком раздора и причиной но-

2010 году на саммите НАТО – Россия мы решили развивать “подлинное стратегическое партнерство” между Россией и НАТО. А партнерство – это не только практическое сотрудничество, в котором мы движемся вперед, но и политические консультации, в том числе по вопросам, по которым мы не согласны. Оно включает проблемы стратегической важности, как положение в Афганистане, противоракетная оборона и т.д. Тот факт, что мы согласны не во всем, не умаляет прочности отношений. Мы должны усвоить для себя, что всегда будут области политики, где у нас разные позиции, и их нужно обсуждать в открытой, откровен-

вого охлаждения политических отношений. Парадокс в том, и это подтвердилось на состоявшейся 4 декабря 2012 года в Брюсселе министерской встрече Совета Россия – НАТО, что политические отношения между альянсом и Россией выглядят сегодня скорее мрачно и полны коллизий, в то время как практическое сотрудничество развивается успешно и динамично.

Как можно объяснить такое состояние, и удалось ли на декабрьской встрече натовских министров с Сергеем Лавровым придать новую энергию отношениям НАТО – Россия? Этот вопрос я задал генеральному секретарю НАТО Андерсу Фогу Расмуссену.

«Вы правы, – согласился он. – В практическом сотрудничестве мы продвинулись и продолжаем идти вперед. В более широком политическом контексте в

ной атмосфере. Мы можем двигаться вперед в одних областях, продолжая спорить в других».

Декабрьская встреча с главой российского МИД Сергеем Лавровым после очередного периода «заморозки» прошла, по мнению Расмуссена, успешно, и можно ожидать, что в 2013 году проявится та самая «новая энергия», которую генсек обещал до конца своего мандата вдохнуть в Совет НАТО – Россия. Принята рабочая программа. Она предполагает в 2013 году продолжить начатые проекты и расширить сотрудничество в других важных областях. В их числе утилизация избытков боеприпасов, расширение сотрудничества в борьбе с наркотрафиком...

Один из главных предметов спора – та самая противоракетная оборона (ПРО), которая должна

была стать, как это представлялось два с лишним года назад в Лиссабоне, главным проектом сотрудничества. Официальные лица в России говорят, что дальнейший прогресс в отношениях с НАТО зависит от позиции альянса по европейской ПРО. Это звучит как условие. Готовы ли члены НАТО изменить нынешний подход «двух отдельных систем» (российской и натовской) и дать России требуемые Москвой юридические гарантии ненаправленности натовской ПРО против российского потенциала стратегического сдерживания? Пока выхода из этого тупика не просматривается.

«Позвольте мне здесь быть совершенно ясным, – отвечает на мой вопрос глава НАТО. – Мы приняли решение создавать на основе НАТО систему противоракетной обороны, потому что на нас лежит обязанность защищать народы и территории наших стран от любых угроз. Мы считаем ракетную угрозу реальной. И от нее мы должны иметь реальную защиту. Одновременно мы пригласили Россию сотрудничать. Могли бы установить взаимодействие между российской и натовской системами».

«Мы заявили, – продолжает Расмуссен, – что у нас нет намерений подрывать российский потенциал стратегического сдерживания, не говоря уже о нападении на Россию. Мы не собираемся нападать на Россию. Наша ПРО не предназначена ни для нападения, ни для ослабления российского потенциала стратегического сдерживания. Мы пригласили Россию сотрудничать и конкретно предложили создать два совместно управляемых центра ПРО, в которых российский и натовский личный состав работал бы вместе и русские могли бы своими глазами видеть,

что наша система не направлена против России».

«Что касается гарантий, – напоминает Расмуссен, – то в 1997 году Россия и НАТО приняли совместный документ, который называется Основным актом. Он стал первым рамочным документом координации и структуры сотрудничества России и НАТО. В этом Основном акте мы заявили, что не будем применять силу друг против друга. Мы верны этому обязательству и готовы подтвердить его. Я думаю, что Россия тоже верна ему. По-моему, политический документ, в котором правительства 29 государств подтверждают то, что было решено в 1997 году – не применять силу в отношении друг друга, имеет такую же силу, как любой юридический документ».

Генсек НАТО добавил, что помимо всего прочего нереально создать юридический документ, который ратифицировали бы парламенты 29 стран. Это практически невозможно, учитывая разброс мнений законодателей этих стран. Россия, по мнению Расмуссена, получила бы более сильные гарантии, если бы приняла предложение НАТО о двух совместных центрах управления. А политически можно было бы принять декларацию, которая подтвердила бы обязательства 1997 года.

Еще одно яблоко раздора – судьба Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Россия выразила готовность вернуться за стол переговоров по адаптации этого договора, подписанного во времена СССР. Но без предварительных условий. Имеется в виду требование НАТО к России отказаться от признания независимости Абхазии и Южной Осетии и вывести оттуда свои базы. Альянс не готов разговаривать на эту тему, пока его условие не выполнено.

«Я считаю ДОВСЕ очень важным рамочным документом для контроля над обычными вооружениями, – сказал Расмуссен. – Нам нужны правовые рамки для контроля над этой категорией вооруженных сил. Но согласие принимающей страны – это неотъемлемая часть нашей схемы контроля над вооружениями. Ясно, что в данном случае нет согласия принимающей стороны на российское военное присутствие в Абхазии и Южной Осетии, потому что обе эти территории по международному праву являются частью Грузии. Совершенно очевидно, что это серьезное препятствие. Это один из вопросов, по которым у нас глубокие разногласия с Россией».

«Я очень серьезно отношусь к задаче продвижения к подлинному стратегическому партнерству между НАТО и Россией, – заявил Расмуссен. – Это в

наших общих интересах. Смысл слов «стратегическое партнерство» подразумевает возможность иметь разногласия в некоторых областях, но одновременно продвигаться вперед в других. Я думаю, что в интересах России развивать отношения стратегического партнерства с НАТО, потому что есть много точек, где наши фундаментальные интересы в сфере безопасности совпадают. Это Афганистан, борьба с наркотрафиком, терроризмом, морским пиратством и другие».

«Это конкретные интересы. Но и со стратегической точки зрения, в интересах России привлекать иностранные инвестиции, которые стимулируют ее экономическое развитие. Инвестиционный и деловой климат в целом становится более привлекательным, когда инвесторы чувствуют безопасную среду. Если мы будем развивать стратегическое партнерство, инвесторы будут чувствовать себя спокойнее», – считает генсек НАТО.

«Россия, – продолжает он, – это крупный экспортер энергоносителей, поставщик энергии в Европу. И фундаментальный интерес России в том, чтобы экспорт энергии происходил в атмосфере стабильности. Если европейцы сочтут, что Россия использует энергетику как оружие во внешней политике, то они вернуться к альтернативным поставщикам. В целом, это было бы не в интересах России. В ее интересах обеспечить позитивные отношения со странами НАТО. Пока что страны НАТО представляют собой мощнейшую экономическую силу в мире. И в интересах России сотрудничать с этой зоной экономической мощи».

Афганистан – важная точка совпадения интересов стран НАТО и России. Возвращение этой страны в состояние заповедника и рассадника международного терроризма стало бы серьезной угрозой безопасности, как Запада, так и России.

Хотя Россия в отличие, например, от Украины, Грузии и ряда других стран, не входящих в НАТО, не направила (по понятным историческим причинам) своих солдат в Международные силы содействия безопасности в Афганистане (ISAF), она играет важную роль в натовской операции, обеспечивая транзит через свою территорию грузов для этих сил, поставляя афганской армии боевые вертолеты и запчасти к ним, обучая экипажи и техников, готовя совместно с НАТО специалистов по борьбе с наркотрафиком. Вертолетная программа финансируется за счет совместного натовско-российского трастового фонда, деятельность которого, по словам Расмуссена, будет в этом году расширена.

На прошлогоднем саммите в Чикаго страны НАТО приняли решение постепенно сворачивать во-

енную операцию в Афганистане, передавать ответственность за безопасность в стране афганским вооруженным силам, к концу 2014 года вывести оттуда последние боевые подразделения и начать новую «небоевую» операцию обучения и поддержки афганских сил. Решение это не случайно принято во время экономического и финансового кризиса: дешевле финансировать, обучать и снабжать местные силы безопасности, чем содержать свой экспедиционный корпус в далекой стране.

Москва, однако, обеспокоена возможными последствиями этого решения, считает вывод ISAF из Афганистана преждевременным, отмечая, что афганские вооруженные силы не готовы взять на себя всю ответственность за безопасность и через считанные часы после ухода натовских военных власть опять захватят талибы.

«Мы не просто так покидаем Афганистан, – возражает Расмуссен. – Когда мы к концу 2014 года завершим боевую операцию ISAF, их миссию готовы будут взять на себя крепкие силы безопасности Афганистана. Мы усиливаем потенциал афганских сил, и наша цель довести их численность до примерно 350 тысяч человек, включая армию и полицию. Что еще более важно, мы повышаем их выучку, качество и видим, как они всё больше берут на себя ведущую роль в операциях по обеспечению безопасности. Уже сейчас они играют ведущую роль в 80 процентах наших операций, сами проводят 90 процентов учебно-тренировочных занятий, у них есть высокопрофессиональные оперативные подразделения. Я убежден, что когда мы завершим свою боевую миссию, афганцы будут способны воевать сами и не дадут Афганистану снова стать тыловой базой террористов».

Афганскую операцию можно считать примером тех самых действий «вне зоны ответственности НАТО», возможность которых, записанная в новой стратегической концепции НАТО, вызвала споры и критику, в частности, со стороны России.

Генсек НАТО подчеркивает, что в Афганистане альянс исполняет резолюцию Совета Безопасности ООН. НАТО рассчитывает получить мандат международного сообщества и на учебно-тренировочную операцию, которая начнется после 2014 года, хотя и приглашения правительства в Кабуле вполне достаточно, по его мнению, как правовой основы миссии. Он ожидает, тем не менее, что Россия как постоянный член СБ ООН позитивно отнесется к принятию такой резолюции, потому что в ее интересах получить длительный мир и стабильность в Афганистане.

По мандату ООН проводилась и воздушная операция НАТО в Ливии, хотя сейчас о ней в НАТО вспоминают нечасто и то в основном о ее уроках: в Ливии проявились пробелы натовского военного потенциала, на скорейшее устранение которых указал чикагский саммит. Европейские члены НАТО не могли обойтись без участия американцев, которые весьма неохотно присоединились к ливийской кампании. У европейцев для самостоятельного проведения операции не хватало высокоточных боеприпасов, воздушных «танкеров», стратегической транспортной авиации, современных средств разведки и связи. Поэтому перед НАТО стоят задачи восполнить эти пробелы путем модернизации военного потенциала, объединения финансовых усилий европейских членов альянса в приобретении дорогостоящей техники, увеличения их военных расходов и тем самым уменьшить зависимость от США.

Расмуссен отмечает, что после холодной войны США проявляют всё меньше интереса к европейским проблемам.

«Мы ещё можем видеть участие США в европейских делах, в том числе, когда речь идет о конфликтах на пространстве, окружающем ЕС. Но долгосрочная тенденция в том, что США будут ожидать от европейских союзников самостоятельного решения кризисов на этом пространстве», – заявил он.

В принципе, глава НАТО не считает, что альянс должен присвоить себе функцию глобального полицейского и вмешиваться в конфликты, которые не затрагивают непосредственно его членов. Но никто не отменял 5-ю статью Вашингтонского договора, которая предусматривает коллективную оборону НАТО по мушкетерскому девизу «один за всех, и все за одного». «Мы не можем бросаться от одной страны к другой и заниматься решением всех конфликтов на планете, – рассуждает он. – Это просто невозможно. Суть оборонного альянса в том, чтобы обеспечить безопасность территории своих стран-членов».

У НАТО нет намерений вмешиваться в Сирию или Мали. Другое дело, если конфликт в Сирии поставит под угрозу безопасность Турции – члена НАТО. В этом контексте и следует рассматривать размещение шести ракетных батарей Patriot близ турецко-сирийской границы.

«Мы там для того, чтобы защитить Турцию, поскольку она член НАТО, – заявил Расмуссен. – Это исключительно оборонная мера. Размещение ракет Patriot не является частью подготовки к установлению бесполетной зоны или к другой наступательной операции. Повторяю: у НАТО нет намерений вмешательства

в Сирии. Мы уверены, что правильный выход – это политическое решение».

Среди стран, которые стремятся под зонтик коллективной обороны НАТО, видя в нем гарантии своей независимости, есть и постсоветские государства. «Политика открытых дверей» НАТО является постоянным источником напряжения и время от времени парализует отношения Россия – НАТО. Для трех стран Балтии вопрос решен: с 2004 года они полноправные члены НАТО, и на них распространяется действие 5-й статьи.

Но в апреле 2008 года на саммите НАТО в Бухаресте потенциальными кандидатами в НАТО были названы Украина и Грузия. Если в результате дальнейших политических событий на Украине членство в НАТО перестало быть приоритетом для Киева, то стремление Тбилиси стать частью западного оборонного альянса не ослабло даже после победы оппозиции над Михаилом Саакашвили. Москва предупредила, что любые новые шаги продвижения Грузии к членству в НАТО могут попросту «убить» Совет Россия – НАТО.

Существует ли в принципе возможность интегрировать Грузию в альянс не ценой отношений с Россией? Ведь именно это опасение руководило Ангелой Меркель на саммите в Бухаресте, когда она фактически заблокировала предоставление Украине и Грузии статуса официальных кандидатов в члены НАТО.

«Позвольте мне напомнить базовый принцип, – отвечает на мой вопрос Андерс Фог Расмуссен. – Дело каждой нации самой решать, хочет она присоединиться к какому-то союзу или нет и как ей обустроить систему своей безопасности. Россия тоже подписала под этим фундаментальным принципом в Хартии ОБСЕ 1999 года. Не дело России решать, вступит Грузия на определенном этапе в наш альянс или нет. Это будут решать НАТО и Грузия. В Бухаресте мы решили, что Грузия будет членом НАТО при условии выполнения необходимых критериев. Пока этого нет. Мы создали Комиссию НАТО – Грузия, и в ней мы работаем с Грузией в проведении реформ. В будущем она может выполнить критерии члена НАТО».

Но может ли Грузия однажды стать членом альянса без Абхазии и Южной Осетии? Является ли признание Россией Абхазии и Южной Осетии и ее военное присутствие в них препятствием для вступления Грузии в НАТО?

«Всё это – довольно гипотетические вопросы, – говорит Расмуссен. – Конечно, мы надеемся на возможное мирное решение проблемы Абхазии и Южной Осетии. Мы следуем политике непризнания (их независимости) и призываем Россию выполнить соот-

ветствующие международные обязательства. Мы очень сожалеем, что Россия признала Абхазию и Южную Осетию независимыми государствами. Это противоречит международному праву, и мы настаиваем на полном уважении суверенитета и территориальной целостности Грузии в ее международно признанных границах. Отвечая непосредственно на Ваш вопрос... Конечно, было бы недопустимо дать России фактическое право вето на расширение НАТО».

«Я знаю, что Москва не в восторге от нашей политики открытых дверей, – продолжает он. – Но хочу привлечь внимание к тому, что расширение НАТО и Европейского союза помогло формированию зоны стабильности и экономического прогресса в Восточной Европе. А ведь столетиями стратегической целью России было как раз добиться стабильности на своих западных границах. Благодаря расширению НАТО и ЕС, мы фактически подтолкнули реформы и экономическое процветание в Восточной Европе и тем самым создали зону стабильности вдоль западных границ России. Более того, Россия получила экономическую выгоду от

этой зоны стабильности. Если посмотреть на статистику торговли, инвестиций, то видно, что Россия много выиграла в результате экономического прогресса в Центральной и Восточной Европе».

Насколько безмятежна стабильность в регионе Балтийского моря, где 5-я статья НАТО непосредственно граничит с Россией? Лидеры стран Балтии постоянно жалуются, что помощь в охране их безопасности со стороны альянса не совсем адекватна, обращают внимание Брюсселя на масштабные военные учения России вблизи их границ.

«Действительно, время от времени мы видим эти российские военные учения, – соглашается Расмуссен. – Мы призываем Россию проявлять при этом максимальную транспарентность. Проводить учения – это само по себе вполне нормальное дело. Страны

НАТО тоже готовят и проводят учения. Но мы делаем это совершенно прозрачно, ясно показывая, что нам нечего скрывать. Мы хотим, чтобы наши вооруженные силы могли взаимодействовать, и в начавшемся году будет много натовских военных учений. Я не считаю, что учения наносят какой-то вред отношениям, если они прозрачны, если на них присутствуют наблюдатели. Проблема в том, что мы вынуждены констатировать недостаточную прозрачность с российской стороны, когда речь идет об учениях. При этом время от времени слышим довольно странную российскую риторику. Я призываю Россию вернуться к решениям, которые мы вместе приняли в Лиссабоне, и развивать подлинное стратегическое партнерство».

Однако партнерство, даже стратегическое, качественно отличается от членства в альянсе. Поэтому нет ничего принципиально нового в появившихся в минувшем году в прессе «утечках» о существовании в НАТО вариантов планов обороны стран Балтии. Натовские чиновники на условии анонимности заверяют, что наличие таких планов не означает, что НАТО

видит угрозу со стороны России. Эти планы не противоречат стремлению альянса к стратегическому партнерству с Россией.

«Мы принципиально никогда не комментируем наших вариантов планов, – ответил на мой вопрос Андерс Фог Расмуссен. – Но я могу Вас заверить, что у нас есть необходимые планы обороны всех членов альянса, где бы они ни находились. Потому что в этом и есть суть оборонного союза. У нас есть планы на все возможные ситуации. Что касается региона Балтийского моря, то я очень доволен тем, что ситуация безопасности в нём за последние годы значительно улучшилась».

Александр Минеев,
специально для «Янтарного моста»
Брюссель